

Борьба за влияние в войне суданских генералов

«Современный Судан есть искусственное образование», – пишет американский историк и специалист по африканской и суданской историографии Роберт О. Коллинз. Судан – это третье крупнейшее государство Африки площадью 1,8 млн кв. км, продукт двух веков турецко-египетских и англо-египетских колониальных политик.

В общих чертах, продолжает Коллинз, в этнолингвистическом плане британский колониализм разделит население, которое сегодня составляет 45 млн человек, на «арабов» и «неарабов». Первые живут преимущественно на севере страны и в долине Нила, вторые – на юге и на западе. Западный регион Дарфур (“Земля народа фур”) представлял собой султанат с неарабским большинством, аннексированный «англо-египетским кондоминиумом» Судан только в 1916 году, то есть за 40 лет до получения страной формальной независимости. До 2011 года Судан включал в себя также нынешний Южный Судан, регион *судд* (по-арабски “болото”) с неарабским большинством, преимущественно исповедующим анимистские верования, христианизированный при содействии Лондона в конце XIX века.

Суданская мозаика

В действительности Судан, учитывая его колоссальную географическую протяжённость, является мозаикой из более чем 400 этнолингвистических групп. Одна из его основных исторических черт – конфликт между *авлад аль-бахр* (“людьми реки” из долины Нила) и *авлад аль-гариб* (“людьми запада”). Первые, в основном арабы, по сути, монополизировали рычаги политической, экономической и военной власти с египетско-османского периода, который в Судане называют «*Туркийя*». Вторые представляют собой конфедерации бедуинских племён арабского происхождения и исламские народы Африки, питающие обиду на первых по причине исключения из экономической и политической жизни и сопротивляющиеся попыткам централизации, в том числе в религиозной сфере.

То же справедливо и для народов Юга, враждебных процессам арабизации и исламизации государства, проходившим с начала 1970-х годов. Эти народы, пишет Коллинз, называли северян *мудукуру*, что дословно значит «те, кто встают на рассвете, чтобы захватывать рабов». Хотя практика «набегов» по захвату рабов имеет тысячелетнюю историю, во времена *Туркийя* она представляла собой один из основных видов экономической деятельности, разросшийся в том числе по причине торговли слоновой костью во второй половине XIX века.

Конфликт между центром и перифериями имеет и религиозное измерение. В стране, где 97 % населения – мусульмане, суфийские братства (народный ислам, в особенности деревенский) долгое время противостояли как ортодоксальному исламу египетской марки, укрепившемуся при пособничестве британцев, так и политическому исламу в основном городского характера, выраженному “Братьями-мусульманами”. Эти суфийские братства, борющиеся и между собой, сформировали основные суданские политические партии, например, партию “Умма”. Из вооружённого варианта суфизма возникла *Махдийя* – «теократическое государство», существовавшее с 1885 по 1898 год и сопротивлявшееся англо-египетскому контролю над Суданом. Некоторые историки усмотрели в ней зародыш антиколониального движения, хотя особый характер религиозного связующего вещества отражал враждебность к налогообложению и стремление покончить с рабовладельческими практиками «второй *Туркийя*» (*Туркийя аль-санийя*) – англо-египетского кондоминиума в Судане, существовавшего с 1882 года и официально оформленного в 1899 году (“*A History of Modern Sudan*”, Cambridge, 2008).

Перекрёсток сфер влияния

Объединив в коалицию арабо-суданские племена и кланы, *Махдийя* сформировала собственные вооружённые силы в лице *ансар* (“бойцов веры”) и изгнала египетские силы из страны, вступила в серию конфликтов с Эфиопской империей и европейскими колониальными странами. Государство рухнуло в 1899 году как из-за военной интервенции британцев, так и из-за внутренних противоречий.

Лондон усилил своё владычество над Суданом, чтобы гарантировать власть над землями вдоль Нила, необходимыми для контроля над Египтом и Суэцким каналом. В течение

следующей половины столетия Британия проводила разнообразную политику в Судане: власть была сконцентрирована в основном на центральном севере, а в остальных частях страны осуществлялась в форме «*непрямого владычества*» с привлечением местной знати. На севере более централизованная власть создала бюрократию и армию по египетскому образцу, кадры для которых традиционно обучались в Каире.

Отношения между Египтом и Суданом были одновременно симбиотическими и антагонистическими. Судан, расположенный между Аравийским полуостровом, Сахелем и Африканским рогом, имеет критическую важность для Египта с точки зрения безопасности водных потоков Нила, а также как ворота в Африку и в направлении Аравийского полуострова. В 1967 году к суданской шахматной партии совместно с Эфиопией присоединился Израиль в рамках своей африканской политики. Ливия Каддафи в 1980-е годы лелеяла амбиции создать «*африканскую империю*», тогда же отправила войска в Чад, засматривалась и на Дарфур. Нефтяные монархии Персидского залива с 1973 года рассматривали Судан как место повторного запуска в оборот нефтяной ренты, бассейн рабочей силы и сырья, а также вектор политико-религиозной проекции в направлении Африки. Власти Хартума традиционно извлекали для себя выгоду из этой борьбы за влияние.

Война генералов и новый раздел Африки

Нынешний суданский кризис, который международная пресса прозвала «*войной генералов*» из-за противостояния внутри двоевластия военачальников в Хартуме, развязал борьбу за влияние между региональными державами и между великими державами: участники конфликта ищут поддержки у внешних игроков. Популярным является видение, недавно перепечатанное в саудовской прессе, что речь идёт о «*новом разделе Африки*», то есть о разделе континента на сферы влияния, как это было в XIX веке. Стоит заметить, что если и в самом деле происходит раздел, к которому прибавляется экономическое вторжение Китая, то в нём принимают участие и новые африканские державы.

Суданские кризисы неизбежно резонируют с напряжённостью в Эфиопии – этот демографический гигант, переживающий экономическое восхождение, имеет амбиции региональной державы. Падение исламистского режима Омара аль-Башира в Судане в 2019 году смешало карты египтянам в деле их противостояния Аддис-Абебе по вопросу использования вод Голубого Нила, что имеет значение и для Хартума. Последний имеет территориальные претензии на плодородные земли на границе эфиопских регионов Тыграй и Амхара. В 2021–2022 годах Каир усилил прямую военную поддержку вооружённых сил Судана (ВСС) и провёл с ними ряд совместных учений. Согласно мнению международных обозревателей, он помешал политическому соглашению между двумя противниками в рамках суданского двоевластия – главой регулярной армии Абделем Фаттахом аль-Бурханом и главой полувоенных формирований Сил быстрого реагирования (СБР) Мухаммедом «Хемедти» Дагло.

Хемедти – «вооружённый караванщик»

Объектом противостояния послужила интеграция СБР, насчитывающих 50–100 тыс. человек, в состав регулярной армии. Дагло хотел бы растянуть её на десятилетие и обусловить, во-первых, проведением реформы вооружённых сил, в том числе через увольнение 800 старших офицеров, а во-вторых, утверждением гражданского правительства в Судане. Согласно обозревателям, ВСС и Египет не приемлют ни одно из двух условий: Бурхан надеется скопировать модель египетского режима маршала-президента Абделя Фаттаха ас-Сиси. Каир не жалуется перспективу появления автономного игрока на своей южной границе, своего рода «*суданского Хафтара*» в терминах египетской дипломатии, который мог бы рассчитывать на свой феодал в Дарфуре и имел бы собственные политические амбиции.

Политические пути Дагло (Хемедти) и Бурхана параллельны и связаны с долгой этнической войной в Дарфуре, жертвами которой стали 300 тыс. погибших и 2 млн беженцев с 2003 по 2020 год. Дагло начал свой путь как глава ополченцев *Джанджавид* (дословно «*демоны на лошадях*»), которых режим в Хартуме использовал против автономистских восстаний жителей Дарфура. СБР являются прямым потомком *Джанджавид*, которые вербовали

членов в основном среди племён арабских кочевников региона. Дагло родом из конфедерации *баккура*, корни которой уходят в Чад, его семья занималась торговлей верблюдами.

Мигранты и ополченцы в суданской ренте

Бурхан был региональным комендантом в Дарфуре, сражался на войне в Южном Судане и командовал суданскими экспедиционными войсками в Йемене с 2015 по 2018 год. Родом он из семьи религиозных суфиев Севера, а образование получил в египетских военных академиях. Как и Дагло, он поддержал падение режима Башира в 2019 году, но сохранил (с Дагло в качестве заместителя) гражданское правительство бывшего технократа Всемирного банка Абдаллы Хамдока.

Согласно реконструкциям, восхождению Дагло способствовали несколько факторов: трансформация нерегулярной милиции Дарфура в мобильную силу контроля за границами; её использование в качестве *«преторианской гвардии»* режима Башира, чтобы уравнивать регулярную армию; наконец, двойная рента СБР, которые использовали как наёмников Объединённые Арабские Эмираты (ОАЭ) и Саудовская Аравия в Йемене и в Ливии, а также как стражей миграционных потоков из Субсахарской Африки *«в сторону Египта, Ливии и ЕС»*, как вспоминает Дагло на страницах *Financial Times*. Эту роль СБР осуществляли совместно с ВВС, согласно источникам *II Manifesto*, которые описывают прямые переговоры между Римом и Хартумом о формировании СБР с 2016 по 2022 год. Согласно вашингтонскому Центру стратегических и международных исследований (CSIS), Дагло может также рассчитывать на контроль – совместно с ЧВК “Вагнер” – над золотыми приисками в Дарфуре, продукция которых экспортируется в ОАЭ.

Роль противовеса вооружённым силам, по мнению французской прессы, сделала бы Дагло *«привлекательной фигурой»* для части *«гражданских элит»* Хартума, питая его *«политические амбиции»*. Поиск дипломатического разрешения конфликта между диархами Хартума происходит при активной роли Эр-Рияда, а *Financial Times* указывает и на возможное посредничество Пекина. Лондонская газета напоминает, что Китай входит в число главных кредиторов Хартума: на него приходится от 5 до 15 млрд из 60 млрд долларов внешнего долга страны. Пекин присутствует в Судане с 1980-х годов, где имеет интересы в нефтегазовой сфере, а в 2011 году его дипломатия добилась продолжения экспорта углеводородов из Судана и Южного Судана. Китайские источники настаивают на том, что ЕС и другие игроки имеют лучшие представления *«об основных протагонистах суданского конфликта»*, хотя Пекин, безусловно, стремится поддерживать мирный процесс.

Борьба интересов, пересекающихся в Судане, может привести как к продолжению и интенсификации *«войны генералов»*, так и к её заморозке за столом *вооружённых переговоров*, а, возможно, будет найдено и политическое решение. Такое решение, однако, будет приниматься Хартумом лишь отчасти.

Май 2023 г.